дѣланіе, дѣлаетъ его причастнымъ религіозному служенію. Человѣкъ призывается жить одновременно въ двухъ мірахъ, съ разными критеріями, съ разными цѣнностями, причемъ, не будучи въ силахъ отдаться высшему міру, онъ не долженъ чрезмѣрно погружаться и въ низшій, а потому постоянно долженъ внимательно слѣдить и за своей внутренней жизнью и внѣшнимъ поведеніемъ.

Такимъ образомъ, если спросить, является-ли Евангельская проповѣдь простоты вмѣстѣ съ тѣмъ и проповѣдью опрощенія (и не въ толстовскомъ только, но и въ несравненно болѣе радикальномъ смыслѣ), то приходится отвѣтить: и да, и нѣтъ, или: ни да, ни нѣтъ. Насколько оно изъемлетъ человѣка изъ времени, оно аскетично, но насколько оно есть ученіе о спасеніи этого міра и дѣлаетъ человѣка отвѣтственнымъ и предъ своимъ дѣломъ, оно исторично и чуждо всякому опрощенію и упрощенію, имъ утверждаются на религіозной основѣ цѣнности культуры, а, стало быть, и исторіи.

Для характеристики христіанскаго пониманія проблемы культуры приходится примѣнить парадоксальное и съ виду противорѣчивое словосочетаніе: христіанствомъ устанавливается идеалъ *аскетической культуры*, которой противоположна языческая культура, основанная на міробожіи, съ полнымъ погруженіемъ въ стихію этого міра. Именно идеалъ аскетической культуры, т. е. соединеніе религіозной свободы духа и историческаго дѣланія, выраженъ въ выше цитированныхъ словахъ ап. Павла. Культура есть плоть исторіи, аскетизмъ ея душа. У насъ до сихъ поръ такъ плохо и односторонне понимаютъ религіозно-историческую сущность аскетизма, что видятъ въ немъ лишь противоположность культурѣ, отрицаніе исторіи. Между тѣмъ онъ является извѣстнымъ устремленіемъ этой культуры, ея духовнымъ факторомъ. Онъ можетъ, а по нашему мнѣнію и долженъ, оказаться силой, спасительной и для самой культуры, ибо духовное здоровье связано именно съ нимъ, а не съ языческимъ вещелюбіемъ, несущимъ съ собой гніеніе и смерть и для культуры.

Именно благодаря своему идеалу аскетической культуры и его жизненной мощи христіанство и проявило себя не только какъ религія личнаго спасенія, источникъ религіозныхъ радостей и утѣшеній, но и какъ всемірно-историческая сила, которая породила „христіанскую“ культуру. И это надо сказать не только про средневѣковую, но даже и про новѣйшую европейскую культуру, которая, хотя и обезбожена въ сознаніи, въ бытіи своемъ, въ корняхъ